

Е.Г. Водолазкин
University of St Petersburg
Хронограф как жанр

В настоящей работе рассмотрены некоторые жанровые черты хронографов - исторических сочинений, созданных на Руси путем компиляции преимущественно византийских источников и не включающих, как правило, русский материал.

Особенности восприятия хронографических текстов в Древней Руси наиболее ярко проявлены в летописной их оценке: на фоне отсутствия самостоятельных комментариев составителей хронографов к излагаемому материалу отношение к нему летописцев становится одним из немногочисленных свидетельств такого восприятия. В работе проанализированы многочисленные примеры текстуального и концептуального влияния хронографического типа историографии на летописный. Вне всякого сомнения, летописание дорожило связью со всемирной историей, но связью типологической, не генетической. Национальному историческому сознанию требовалось время для осмысления этой связи, для помещения обеих историй в один пространственно-временной ряд. Суть пятивековых взаимоотношений рассматриваемых типов историографии можно свести к формуле "от тождества - к единству".

Рассмотрены также вопросы структуры хронографов и отношения хронистов к источникам. В самом общем виде можно сказать, что структурной единицей хронографа является фрагмент. Фрагментарность хронографов проявляется на двух основных уровнях. Первый тип фрагмента можно условно определить как структурную единицу повествования. Это - царствование, то, что, подобно году в древнерусском летописании, определяет ритм истории. Второй тип фрагмента можно было бы обозначить как единицу заимствованного текста: это то, из чего составляется компиляция. Фрагмент текста может совпадать, а может и не совпадать с фрагментом повествования: порой заимствованный текст захватывает несколько царствований, порой же сводится к одной фразе.

Ни в первом, ни во втором из выделенных типов фрагментом не является *событие*. Каузальный подход к истории предполагает, что фрагментом, структурной единицей повествования является событие, а не царствование (год, олимпиада, консульство и т.д.), способное установить лишь хронологическую связь. Не будучи единицами повествования, события не подлежат сопоставлению, не следуют одно из другого, они просто располагаются одно рядом с другим.

Очевидно, что объем понятия "историческое событие" в средневековье существенно отличался от современного. Для средневекового историографа, во многом игнорировавшего причинно-следственную связь событий, не существовало принципиальной разницы между событиями "историческими" и "неисторическими". Этим объясняется то обстоятельство, что в хронографах встречается множество нравоучительных историй, которые вполне укладываются в жанровое определение *exemplum*. Эти исторические в большинстве своем рассказы кажутся совершенно нелогичными в историческом повествовании. Вероятно, как раз в этом и заключается их особая важность для понимания специфики жанра. Они сигнализируют о том, что и сама средневековая история до определенной степени рассматривалась как набор *exempla*, подтверждавших Божественное мироустройство.

Рассматривая русскую хронографию с точки зрения стадияльной, следует отметить появление заглавий. Названия глав как *система* впервые представлены в Летописце Еллинском и Римском Второй редакции. Появление заглавий свидетельствует о том, что хронографическое повествование стало дробиться на отдельные сюжеты и темы. Эти сюжеты и темы далеко не всегда содержали в своей основе события. Заглавиями выделялись и поучения, и разного рода описания - т.е. тексты, не повествующие о действии, которое и лежит в основе всякого исторического события. Наименование фрагментов делало их в еще большей степени фрагментами, это способствовало дехронологизации истории и превращало повествование в цепь больших и малых новелл. Эволюционируя, хронограф придавал своим фрагментам все более притчеобразный характер, а сама хронографическая история все более воспринималась как одна большая притча, чей основной смысл располагается глубже событийного ряда.

Irma Karaulashvili

The Central European University

Towards a typology of the Slavonic versions of the Abgar legend

The Abgar Legend presents one of the richest and most complicated textual traditions of the New Testament Apocrypha. As one and the same title (*Epistula Abgari*) is applied to the different versions of the apocryphon, epigraphical inscriptions and excerpts from the historical works, misunderstandings are often created. For this reason, the first part of this presentation is aimed at clarifying the differences and similarities between these texts that bear the same title. Special attention has been paid to the recently published Slavonic inscription that contains the letter of Abgar (Popkonstantinov, 1999), and its similarities to different early (fourth- and fifth-century) inscriptions and papyri, and one of the Greek versions of the legend, titled also the *Epistula Abgari*, that was dated to the eleventh century and has been recently redated (by me) to the sixth or seventh century (in press, *Apocrypha* 2002).

It must be stressed here that from the very beginning scholars were aiming at distinguishing different redactions of the Slavonic versions of the apocryphon, without paying enough attention to the divergence of the extant versions themselves (Porfir'ev, Tixonravov, Meščerskaja). According to the recent scholarly opinion, the Slavonic text tradition distinguishes a) компиляция на поп Йеремија b) по-късна южнославянска редакция c) източнославянска редакция (Minčev & Skowronek, 2002). Here also the authors did not pay the attention it deserves to the distinction not only between different translations, but also between the local Slavonic versions.

In my opinion, it is necessary first of all to make a distinction between different redactions of the apocryphon, and to point out (with due emphasis) which one is translated from the Greek original, which one represents a local development, which one can be considered as an example of a mixed tradition, and how many different redactions of one and the same text can be distinguished. That is why I have attempted to systematise the list of the texts presented in the edition of Aurelio de Santos Otero (cf. Thomson), and to present a tentative typology of the Slavonic versions.

Analysing the aforementioned publication I came to the conclusion that it contains four different versions of the apocryphon, two of which seem to be the translation from the Greek (texts related to the version of "zbornik Božidara Vukovića," and the texts that contain the letters of Abgar and Christ), while two others represent the local tradition (the texts that begin as Посла Авгарь царь Луку скорописца и гораздаго инконамъ писати... or as В та же лѣта бѣ князь емуже имя Авгар...). However, it must be stated here that the present division does not exhaust all existing versions of the apocryphon in the Slavonic tradition. The detailed typology of the Slavonic versions of the Abgar legend can be drawn only after consulting the detailed manuscript descriptions or, in the ideal case, the detailed textological study of the separate versions of the Abgar legend.

Татяна Руди

Collegium Oecumenicum (Munich)/Пушкинский дом
Топика древнерусских житий (вопросы типологии)

Литературная топика представляет собой одну из наиболее значительных и устойчивых характеристик средневекового текста. Топика как элемент средневекового художественного канона базируется на двух основных принципах: *следовании литературному этикету и ориентации на образцы (imitatio)*. Принцип *imitatio*, как показывает анализ житийной традиции, является важнейшей составляющей средневековой поэтики. Так, большинство типов святости может быть определено, помимо характеристики подвига святого, ориентацией на тот или иной духовный авторитет:

- а) Мученики - *imitatio Christi*. Суть подвига страстотерпца - жертва за веру, сознательное принятие страсти Христовой как подвига во имя

утверждения христианской веры и учения. Поэтому основной характеристикой мученика являлось его подражание Христу. *Imitatio Christi* - важнейшая из форм *imitatio* в агиографии в целом, а потому мотивы подражания Спасителю свойственны не только мученикам, но и житиям святых иных типов святости - преподобных, юродивых, праведников и др.;

- б) Просветители народов - *imitatio apostoli* или *imitatio Constantini*. Жития просветителей народов в большинстве своем ориентированы на апостольские жития (*vita apostolica*) или на Житие Константина Великого как первого христианского императора. В восточной традиции святым миссионерам усвоен особый титул, подчеркивающий их подобие апостолам, - «равноапостольный» (от греч. ἰσαπόστολος): равноапостольный Владимир, равноапостольная Нина Грузинская и др. Помимо феномена *imitatio* для житий этого типа характерен и другой феномен - *translatio nominis*, когда на более позднего святого переносится в качестве «титула» имя его великого предшественника: Владимир - новый Константин, Константин Муромский - второй Константин и новый Владимир, и др.;
- в) Преподобные - *imitatio angeli*. Идеальная и художественная ориентация житий преподобных определяется, на мой взгляд, традиционно присутствующим в этих текстах уподоблением монашеской жизни жизни ангелов. Синонимическим для выражений «принять монашество», «постричься в монахи» является выражение «сподобиться ангельского образа», т.е. отвергнуть жизнь плотскую и сосредоточиться на жизни духа. Отсюда в житиях и службах преподобным - многочисленные формулы типа «во плоти яко бесплотный пожив», «аггеломъ сожитель», «земной ангел, небесный человек», «зраком сияя аггеловидным подобием», «живый без попечения яко аггелъ» и др., а также описания аскетических подвигов святых, направленных на изнурение тела («убию тело мое, да спасется дух мой»);
- г) Праведные жены - *imitatio Mariae*. Жития праведных жен, как правило, имеют своим образцом Каллистратово Житие Пресвятой Богородицы. Основными чертами «идеальной жены» в агиографической традиции являются те качества, которыми наделена в ее Житии Дева Мария: чистота, смирение, «малоглаголанье», прилежание в посте и молитвах, нищелюбие и т.д. Принцип *imitatio Mariae* в житиях праведных жен часто находит отражение не только в описании нрава героини, но и в другом обязательном элементе житийной схемы - топосе отношения святого к браку: многие святые жены хранили девство в браке, подражая «безбрачному браку» Марии и Иосифа.

Исключительная важность литературной топики как элемента системы средневековой поэтики делает насущно необходимым изучение этого феномена как для герменевтических, так и для текстологических исследований средневековой агиографии.

